

Притчи Руми

рители Руми взяты из «Маснави-йи-манави» («Двустипшия с намеком на незримое») — грандиозной поэмы, в контексте которой они представляют собой наглядные иллюстрации к определенным положениям суфийского учения. Однако и вне контекста «Маснави» притчи Руми сохраняют свою огромную литературную, этическую и педагогическую ценность, что сделало их весьма популярными во многих мусульманских странах. Особо стоит вопрос о взаимовлияниях притч Руми и фольклорных источников различных культур Ближнего и Среднего Востока. Влияние притч прослеживается в литературе и фольклоре целого ряда народов на протяжении столетий. Следует особо подчеркнуть, что за оригинальным сюжетом каждой притчи Руми, обычно несущей заряд остроумия и поразительно яркой житейской мудрости, скрывается иная мудрость — мистическая, содержащая указания на тайны человеческой души, ее общения с Богом и духовного восхождения. Таким образом, притчи дают каждому читателю буквально то, что он «способен взять». К притчам Руми в наибольшей степени можно отнести слова из раннехристианского гностического апокрифа — «Евангелия от Филиппа»: «...Мудрый... познал пищу каждого: перед детьми он положил хлеб... перед рабами он положил... пшеницу, и скоту [он бросил ячмень], и солону, и траву. Собакам он бросил кости, [а свиньям он] бросил желуди... Так и ученик Бога... Формы телесные не введут его в обман, но он посмотрит на состояние души каждого и заговорит с ним...» (пер. М.К. Трофимовой). Эти слова как нельзя более подходят к притчам Руми — с той только разницей, что, получая одну и ту же «духовную пищу», читатели великого суфия сами выбирают из нее то, что способны «усвоить», — от простого смысла до самого сокровенного... В связи со сказанным понятно, что сокрытый — эзотерический — смысл притч не может быть исчерпан до конца. Поэтому в дальнейших комментариях мы будем обращать внимание выборочно на тот или иной суфийский аспект каждой притчи.

Притчи
Руми

Татуировка Суфийская система воспитания направлена на создание гармоничного «внутреннего человека», властвующего над низшими проявлениями своей природы (животными силами) и олицетворяемого поэтому в образе «царя зверей» — льва. В данной притче создание такого «внутреннего льва» изображено в виде нанесения татуировки. Поскольку же путь суфийского послушника-*мурида* связан с одолением больших испытаний, вступающий на этот путь должен быть мужествен и терпелив. При этом невозможно избежать каких-либо этапов пути и связанных с ними страданий — как нельзя изобразить льва «без брюха, без хвоста и головы»...

Д. Ш.

Казвинец, выведенный в притче, желает лишь одного — чтоб о его «силе лвиной» повсюду «прошла молва». Следовательно, «лев» для него — не отражение его внутренней сути, а чисто внешнее украшение, которое призвано выставить его сильным в глазах окружающих людей. Итак, казвинец стремится «не быть, но слыть», и само испытание страданием выявляет в нем это противоречие между «внешним львом» и «внутренним зайцем». Разумеется, находясь в таком состоянии, человек совершенно не готов к вступлению на суфийский путь, требующий прямоты и решительности.

Только совершив мужественный выбор и пройдя все испытания, суфий обретает власть над собой и окружающими обстоятельствами: «Знай — перед тем склоняются светила, // В ком власть душа над телом захватила». Согласно астрологии, судьба человека определяется звездами; но тот, кто вышел из-под власти плотского начала, «управляет светилами», т.е. получает власть над своей судьбой. Такого человека «ни адский жар, ни солнце не сожжет»: как в Библии, так и в

I. Неспособные к обучению

В притчах этого раздела описаны такие качества характера и настрой ума, которые, оставаясь непреодоленными, лишают своих обладателей возможности усваивать посылаемые свыше наставления.

Татуировка

Какой-то житель города Казвина
Красой задумал похвалиться львиной.

А для сего достаточно вполне
Носить наколку на своей спине.

Вот он к татуировщику пришел,
Разделся, лег и молвил: «Хорошо,

Коль обо мне везде пройдет молва,
Что я, рожденный под созвездьем Льва,

И впрямь отвагой обладаю львиной:
Изображеньем льва укрась мне спину!»

Тут мастер стал накалывать... «Довольно, —
Казвинец заорал, — оставь: мне больно!

Что́ ты рисуешь на моей спине?»
«Рисую льва, как Вы велели мне,

Его с хвоста я начал, как ведется...»
«Лев без хвоста прекрасно обойдется,

Начни его, к примеру, с головы!»
Тот начал... Пациент вскричал: «Увы!

Что на моем ты вытворяешь теле?!»
«Рисую голову, как Вы хотели».

*Притчи
Руми*

Коране земная история человечества уподобляется ночи, а мир грядущий, в котором присутствие Бога станет явным для людей, — восхождению «Солнца Праведности», дневному «жару». Вынести это, нестерпимое для нечестивых, сияние «Божьего лика» и наслаждаться им смогут лишь души, закаленные в горниле земной жизни и «воцарившиеся» над своей низшей природой, подобно льву в царстве зверей.

М. Х.

«Невыносима эта голова...
С другого места наколи мне льва!»

Тот приступил... «Ты что рисуешь?» — «Брюхо!»
«Помилуй, я теряю силу духа,

Не надо брюха, краску пожалей,
Без брюха лев отважней и смелей!»

В сердцах татуировщик иглы бросил:
«Что ж, господин, пойдём — прохожих спросим:

Неужто водятся на свете львы
Без брюха, без хвоста и головы?!»

...Коль хочешь ты с могучим львом сравниться —
Вели своим желаньям потесниться,

А коль совсем терпеть не можешь боли —
Так нет тебе среди отважных доли!

Чтоб взять свои желанья в обладанье,
Ты научись переносить страданья:

Знай — перед тем склоняются светила,
В ком власть душа над телом захватила.

Кто победил себя — тот господин
И горных высей, и морских глубин.

Ни адский жар, ни солнце не сожжет
Того, кто пламя Духа бережет.

*Притчи
Руми*

Косой слуга

Притча иллюстрирует разницу между *шейхам* («хозяином»), достигшим просветления и потому прозревающим единый Лик Аллаха за «завесами» множества феноменов вселенной («один кувшин»), — и вступающим на духовный путь *мурридам*, которому бытие представляется раздробленным на множество явлений («два кувшина»). Ощутить единство бытия человеку мешает изъян в его мышлении — материалистическое мировидение («косоглазие»).

Д. Ш.

Здесь с очевидностью выражен важный принцип суфийской психологии: всякое восприятие действительности преломляется сквозь внутреннее состояние человека, поэтому, анализируя то, как ученик («слуга») воспринимает те или иные феномены окружающего мира, наставник может оценить его внутреннее состояние («косоглазие») и помочь ему одолеть свои пороки («двуличие» и «злобу»).

М. Х.

Косой слуга

Хозяин закричал слуге косому:
«Кувшин с вином неси сюда из дому!»

«Несу! Да не могу я выбрать, право,
Какой: который слева — или справа?»

«Чушь не мели! У нас всего один,
Не медли и неси сюда кувшин!»

«Хозяин, странны мне твои слова:
Я вижу ясно, что кувшина — два!»

А тот в ответ: «Какое безобразие!
Вот до чего доводит косоглазие!»

Но, если ты и на ухо тугой, —
Один разбей, а принеси другой!..»

...Слуга в сердцах кувшин об землю грохнул:
«Куда ж исчез второй?!» — он в страхе охнул...

...И сам двуличный косоглаз на вид,
И взгляд его — единое двоит,

А для того, кто злобою охвачен,
И свет незрим, и даже полдень мрачен!

*Притчи
Руми*

Глухой
посещает
больного

Притча иллюстрирует одну из основных причин взаимной подозрительности, переходящей в ненависть, между отдельными людьми, социальными группами, народами и вероисповеданиями. Эта причина — неумение и нежелание услышать и понять друг друга.

Д. Щ.

Кто же такой этот «глухой» в символическом смысле? Очевидно — тот, кто находится в состоянии патологического эгоизма, мешающего не только услышать другого, но и признать, что другой человек является самостоятельной личностью, а не частью окружающей обстановки. Для «глухого» его будущий собеседник заранее схематизирован, обращен в своего рода марионетку, в уста которой «глухой» влагает свои собственные слова («сперва продумать надо всё до слова»). Таким образом, с самого начала перечеркивается любая возможность того контакта между душами, который мог бы облегчить положение страждущего. К сожалению, большинство случаев человеческого общения в той или иной степени подобны описанному в притче. А ведь каждый истинный контакт между личностями призван служить умножению добра в мире и восстановлению той утраченной некогда цельности, которую являли все души в момент их сотворения...

М. Х.

Глухой посещает больного

Корят глухого: «Ты пойдй проведай
Хоть раз больного своего соседа!»

Глухой пошел к больному, но в тревоге
Остановился все же на пороге:

«Я глух, трудна беседа мне... Но, впрочем,
Напрасно я всем этим озабочен:

Что молвит он, что мне сказать ему —
Я это все по мимике пойму.

Но, чтоб исхода не было плохого,
Сперва продумать надо всё до слова.

Вот я войду, спрошу: „Ну, как дела?“
А он: „Мне лучше, боль почти прошла“.

А я ему в ответ: „И слава Богу,
Пускай совсем уходит понемногу!“

„Что ешь ты?“ — вопрошу. Он скажет: „Рис“.
„Отличное питанье, ободрись! —

Скажу я. — „А кого ж из лекарей
Ты звал, чтобы с постели встать скорей?“

Он назовет кого-то из врачей,
А я ему: „Сколь славен доктор сей!

Лечиться у него всего полезней:
Он навсегда избавит от болезни!“»

И вот глухой к соседу входит в дом,
И, хоть и видит — нет лица на нем,

Но вопрошает бодро: «Как дела?»
А тот: «Ужасно, жизнь почти ушла».

*Притчи
Руми*